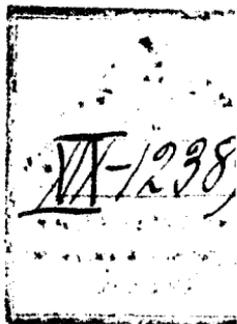

А
Левъ Тихомировъ.

МОНАРХИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Монархическая политика.

МОСКВА.

Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.

1905.

А

Дозволено цензурою. Москва, 27 августа 1905 года.

Нѣсколько словъ читателямъ.

Настоящимъ выпускомъ заканчивается моя работа о монархической государственности *). Начатая очень давно, во времена особеннаго подъема интересовъ Русскаго общества къ познанію законовъ чловѣческаго существованія, она окончена въ совсѣмъ иную эпоху, всецѣло поглощенную въ жгучіе практическіе вопросы дня.

Какъ всегда неизбежно въ такія эпохи, нынѣ всѣ разбились на партіи, враждующія, озлобленныя, въ пылу борьбы обвиняющія другъ друга не только въ дѣйствительныхъ ошибкахъ, но отказывающіяся даже допускать честность и искренность противниковъ, и потерявшія желаніе и способность къ объективности. Въ такое время, сочиненіе, начатое и конченное съ единственной заботой опредѣлить объективную истину въ области изслѣдуемаго принципа, становится внѣ всѣхъ общественныхъ теченій, а потому каждымъ изъ нихъ можетъ быть принято, какъ идущее будто бы противъ него.

Читатели, которые возьмутъ на себя трудъ прочесть мое изслѣдованіе, увидятъ, что оно въ дѣйствительности проникнуто совершенно инымъ духомъ, и не относится къ трудамъ «партійнымъ». Я просто изучаю монархическій принципъ,

*) Въ ней не затронута политика, какъ искусство, которое также имѣетъ свою теорію. Но прикладное пользованіе средствами того или иного политическаго принципа составляетъ совершенно особую тему, которую, по ея сложности, даже неудобно разбирать при установѣ общихъ принциповъ.

который въ политической наукѣ до чрезвычайности не разслѣдованъ.

Невозможно даже сравнить тѣ превосходные труды, которые имѣются въ политической литературѣ по изслѣдованію демократическаго принципа, съ обрывочками мыслей и фактовъ, удѣляемымъ пониманію монархіи, которая (даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о будущемъ) играла такую огромную роль въ прошлыхъ судьбахъ человѣчества. Долженъ же однако имѣть какое-либо глубокое содержаніе принципъ, который былъ способенъ такъ много совершить въ Исторіи?

Вотъ чисто объективный интересъ, который много лѣтъ приковывалъ меня къ моему труду. Справился ли я со своею задачей—это вопросъ, который рѣшать не автору. Но во всякомъ случаѣ я съ такимъ же вниманіемъ и интересомъ работалъ надъ анализомъ учреждений Римской республики, какъ надъ идеей Московскихъ самодержцевъ, и старался понять идею монархіи совершенно объективно. Я писалъ свою книгу въ Москвѣ такъ, какъ писалъ бы ее въ Нью-Йоркѣ или Парижѣ, если бы былъ Американцемъ или Французомъ.

Но если я не угождаю никакимъ Русскимъ партіямъ, никакимъ силамъ, у власти находящимся, или къ власти стремящимся, то это не значитъ, чтобы я не придавалъ своему труду никакого значенія въ смыслѣ общественной пользы.

Во первыхъ, всякая истина, — если автору удалось подмѣтить какія-нибудь ея искорки въ области изслѣдуемаго предмета, непременно такъ или иначе окажется полезна людямъ, если не въ данное время, то въ будущемъ, если не соотечественникамъ автора, то какимъ либо другимъ народамъ. Во вторыхъ, среди партійныхъ раздоровъ, происходящихъ теперь въ Россіи—одной изъ главныхъ причинъ бесплодности является недостатокъ политической сознательности. Это самое тревожное противопоказаніе противъ успѣшности и плодотворности той политической работы, къ которой всѣ такъ страстно устремились. Моя же книга зоветъ всѣхъ именно къ политической сознательности въ области государственныхъ принциповъ.

Я вѣрю, что въ различныхъ лагеряхъ, своей враждой раздражающихъ Россію,—есть искреннее убѣжденіе, есть любовь къ общественному благу, и къ родинѣ. А между тѣмъ они, въ своей междуусобицѣ, доходятъ до подрыва не только силъ своей родины, но даже принциповъ общечеловѣческаго блага.

Что же можетъ вывести людей изъ этой междуусобицы, какъ не заговорившій голосъ разума и сознанія?

Этотъ голосъ разума и сознанія моя книга, я вѣрю, не можетъ до извѣстной степени не вызывать. А поскольку онъ вызывается у людей, постольку междуусобица замѣняется у нихъ творческой работой.

Укажу примѣръ, прямо связанный съ предметомъ моей работы. Теперь—всѣ толкуютъ о монархіи, раздаются голоса за и противъ, раздается ожесточенное отрицаніе и категорическое утвержденіе... Но о чемъ же именно идутъ споры? О словѣ ли «монархія» или о какомъ-либо реальномъ учрежденіи? Монархію ли порицаютъ ея противники? Была ли «монархія» именно въ томъ, на что они нападаютъ?

Въ этомъ вопросѣ вся сущность дѣла, а о немъ то и не думаютъ, до такой степени, что даже не знаю, хорошо ли поймутъ мои слова?

Что сказали бы сторонники демократіи, если бы ее отрицали на основаніи практики «охлократіи»? Развѣ критиковать охлократію значить критиковать демократію? На этой почвѣ можно сколько угодно ссориться и рѣзаться,—но безъ малѣйшаго толку. Точно также защитникъ охлократіи—можетъ ли быть названъ защитникомъ демократіи? Совершенно наоборотъ,—это несомнѣнно вреднѣйшій человѣкъ для демократіи...

Дѣло въ томъ, что всякій принципъ верховной власти имѣетъ своимъ условіемъ извѣстную, соотвѣтственную ему *организацию нации и государства*. Безъ этого, онъ не только не можетъ дѣйствовать, но иногда просто не существуетъ. Тамъ, гдѣ демократія не организована, и вслѣдствіе этого—дѣйствуетъ не народъ, а случайныя скопища толпы, противорѣчивыя,